

УДК 821.161.1.09

ГНОСТИЦИЗМ, СОВЕТСКИЙ ГОРОДСКОЙ ФОЛЬКЛОР И ТВОРЧЕСТВО М. Ю. ЕЛИЗАРОВА

С. Ф. Меркушов

Тверской государственный университет
центр русского языка и культуры

Написание статьи продиктовано потребностью изучения роли и функции советского городского фольклора в творчестве Михаила Елизарова. Данная особенность его прозы на сегодняшний день наименее исследована. Кроме того, актуализируется гностический аспект произведений Елизарова, также требующий литературоведческого анализа. Настоящая публикация – первая в планируемой серии.

Ключевые слова: М. Ю. Елизаров, фольклор, гностицизм, «Красная пленка»

К сожалению, сейчас можно констатировать факт некоторого охлаждения интереса ученых и ценителей ко всему творчеству в целом одного из любопытнейших современных писателей – Михаила Елизарова. Елизароведов как таковых, на мой взгляд, сегодня нет (по крайней мере, в России), глубокая и осмысленная научная статья о Елизарове – большая редкость. К сожалению, преобладают (причем, опять же, в малых количествах) рецензии и околослитературные критические сообщения о новинках, которые ежегодно поставляются писателем на книжный рынок. О том, насколько частотны специальные работы (к примеру, о фольклоре в его текстах) говорить не приходится вообще. В лучшем случае находим аффирмативные замечания указанной тематики в тех же заметках объемом в одно-два предложения. Однако в сети Интернет среди почитателей таланта Михаила Елизарова бытует мнение, что его малая проза – «это переработанный городской фольклор, со своим откровенным реализмом и загадочной метафизикой» [8]. Конечно, суждение непрофессионалов справедливо, ибо фольклорная составляющая идиостиля М. Ю. Елизарова очевидна, несмотря на то, что она обойдена вниманием исследователей и критиков.

Сделаю попытку хотя бы слегка восполнить этот пробел, но оговорюсь, что я не беру здесь в расчет песенную сторону творчества М. Елизарова, которая несет в себе безусловный «фольклорный заряд» и благодаря которой и автор, и его творчество приобретают статус уникального явления для современной русской литературы.

В отдельных прозаических произведениях Елизарова происходит преобразование городского фольклора в его реалистической и метафизической ипостасях («Кубики», «Ногти», «Красная пленка», «Pasternak» и др.). Однако советское народное творчество модифицируется в текстах писателя достаточно оригинально: в полном соответствии с его так называемой «ностальгией по СССР», осознанию идеи СССР как некоего «горнего Иерусалима» [2, с. 264]. Другими словами, СССР для Елизарова – это прежде всего настоящие «человеческие отношения и идеалы, которые продвигала и развивала советская культурная эстетика» [5, с. 230].

С другой стороны, следуя чрезвычайно интересной точке зрения культуролога Е. Дайс о гностических началах прозы М. Елизарова, советский

фольклор в его произведениях может видоизменяться симметрично гностическим взглядам на мир. «На ... постулатах: 1) мир лежит во зле; 2) идёт вечная война сил Света и Тьмы; 3) это известно только избранным, – на наш взгляд, и основано творчество такого современного русского писателя, как Михаил Елизаров» [1], – вполне логично считает Е. Дайс. Если продолжать ее мысль, то Союз для Елизарова – своего рода плерома, как она понимается в системе Валентина и в ряде других гностических учений – «порождаемый Богом (или возникающий в результате эманации) целостный духовный универсум, состоящий из соединенных попарно эонов (расположенных иерархически духовных сущностей), своего рода горний мир, образ неповрежденного мироздания, утративший целостность из-за падения последнего эона – Софии и обретающий ее вновь в результате апокатастасиса» [1]. Подобный аспект восприятия елизаровского дискурса позволяет, кстати, прояснить многие моменты в интервью писателя так же, как и в его текстах. К примеру, в одной из наиболее показательных бесед М. Елизаров утверждает: «Советский опыт – это опыт цельности. Метафизический Советский Союз был фантастически цельной страной» [3]. Но, продолжает он, ввиду того, что костяк элиты страны в перестроечное время олицетворяли собой либо негодяи, либо откровенно нелепые персонажи (непосвященные демиурги, разъединяющие монолитное государство), произошел распад этой целостности.

Приведу краткий пассаж о гностических учениях Е. Дайс, с которым непосредственно соприкасаются наши дальнейшие текстуальные изыскания: «Для гностиков характерно представление об электах – избранных, которым позволено всё, или духовных людях, в которых теплится божественная искра, а также о душевных и материальных созданиях, чей удел после смерти печален. Вообще в гностической системе координат мир чрезвычайно иерархизирован, и существует своеобразная лестница, ведущая от благого Бога (отличного от Творца) к земным существам. Эта лестница начинается с наиболее духовного и заканчивается предельно материальным, причём материя для гностиков – это чистое зло» [1]. И это, и другие процитированные соображения фундаментизируют всю конструкцию статьи.

Название рассказа «Красная плёнка» отсылает читателя к распространенному у подростков 70 – 80-х гг. прошлого столетия мифу, ставшему позднее одним из городских сказаний. Легенда гласит, что если использовать при фотографировании особую – *красную* – пленку, то после ее проявки запечатленные люди оказываются на снимках без одежды. *Такую пленку никто никогда не видел, но все мечтали получить.* У Елизарова суть фантазмагории переосмысливается таким образом.

Отправная точка сюжета – появление *нелюди*. «Нелюдь» – это общий диагноз для всех «новеньких» четвертого класса, придуманный двумя друзьями – Антипенко и Любченевым. Они позиционируются, как увидим, в качестве избранных в гностическом смысле – целиком отдавших себя изначальной основе – Союзу и Отцу, полностью отказавшихся от Эго. Они носители духовного знания, последняя надежда режима, системы – абсолютно положительного космоса – наряду с величайшей личностью, совершенным творцом, эталоном советского гражданина – Леонидом Ильичом Брежневым. Поэтому и узловой локус текста – средняя школа (четвертый класс) – выглядит концентрированным вариантом Советского союза заката эпохи застоя. А метафорическое именование *нелюдь* в рассказе может трактоваться как «несоветская, инфернальная сущность, исподволь разрушающая строй и плодящая всюду "клубки змей" себе подобных» [1].

По первым предложениям («Привели нелюдь. Она намертво стала перед классом, только ее звериная голова, будто проросшая белобрысым луком, топталась на красных ножках пионерского галстука» [2, с. 123]) можно судить о многом. За данной конкретной *нелюдью* стоят другие нелюди, ибо ее именно *привели*; образ нелюди коннотируется формами, «выталкивающими» ее из мира людей – правоверных коммунистов и отождествляющими с миром мертвых (*намертво*), с животным миром (*звериная*), с миром флоры (*белобрысым луком*). Далее характер эпитетов, которыми наделяется нелюдь, остается неизменным: от неё трансцендентно «воняет говном» (мертвая субстанция), вместо рук у неё «щупальца». Отражая словесные атаки избранных, она не исчезает из класса, аналогично другим нелюдям, а, как растение, «врастает в сентябрь и октябрь», хищнически «выгрызает ход к ноябрю» [2, с. 123–124] и т. п.

С позиций словообразования и семантики форма *не-людь* значит *не входящий во множество людей*, не являющийся членом социума; иначе – *отказывающийся* быть стандартным, усредненным, желающим того же, к чему стремятся *все*. Естественно, общество постоянно пытается его *сделать человеком*, уравнивать сообразно большинству, нивелировать. Многие потенциальные нелюди при этом ломаются и втискивают свое Я в прокрустово ложе общественных установок. В этой связи стоит сказать несколько слов о некоторых других нелюдях, перечисляемых в рассказе, в отличие не сумевших завершить свою миссию. Так, «Вайсберг, продавший душу за резиновых индейцев из гэдэра» [2, с. 127], исчезает после поддержанного учительницей циничного словесного покушения на его национальные корни. Особо опасный Антонов, уверявший, что знает секретный прием «буржуазного» карате, вешается, не пережив своего общешкольного (читай – общесоюзного) позора, когда был избит в неношении единственно возможных спортивных трусов – с полоской на боку. Все эти, по тексту, «ЧПаевы» происходят по вине и при личном участии избранных, которым «всё дозволено» – Антипенко и Любченева. Получается, если нелюдь способен отстаивать свое право быть нелюдью – возмутителем (и разрушителем-разъединителем) социалистического спокойствия, то даже изнашивающийся механизм «совдепа» (в лице лучших) так или иначе постарается его уничтожить.

Тем не менее, гностическая война сил света и тьмы в тексте Елизарова продолжается с заметным успехом последней. Ситуация обостряется со смертью Л. И. Брежнева, в восприятии избранных существа высшего порядка. «Вы не понимаете, творится страшное, боится даже Брежнев!» [2, с. 129], – тщились докричаться до ставшей «полунелюдью» учительницы Любченев и Антипенко. Но генсек умирает, по тексту, при содействии нелюди: «Перекрестилась, как делают в церквях попы и старухи, когда хотят, чтоб кто-то вместо них умер» [2, с. 129]. Данная цитата иллюстрирует ещё одну популярную в среде подростков брежневского периода фольклорную «перешивку» реальности в соответствии с атеистической природой советского бытия. Итог происходящего: «В телевизоре объявили новое имя – Юрий Владимирович Андропов. Показали его самого крупным планом, потом весь президиум, и я все понял – людей почти не осталось, к власти пришли нелюди» [2, с. 130] (ср. с цитатой из актуального сегодня романа А. Иванова «Географ глобус пропил», также демонстрирующую отношение юношества к смерти Брежнева: «И тут Витьке стало страшно. Тут он нутром почувствовал, как черная пустота, разъедающая, растекается над страной и все зло, что раньше было крепко сковано и связано, освободилось и теперь только выживает» [4, с. 278]).

Пребывая в мире разделяемой нелюдью плеромы, СССР, полноты бытия, превращаемой несведущими демиургами в разрозненную материю – персонафицируемое зло, избранные прибегают к предельному средству в борьбе – красной пленке. Начавшееся проникновение в пока не «облагороженный» ими Советский Союз западных «плодов свободы и благополучия» в виде порнографии и прочих продуктов изобилия – стартовавшее последовательное уничтожение «доброе, разумное, вечное» – преподносится в тексте своеобразно. Незамутненное и трансцендентное сознание Антипенко и Любченева воспринимает так называемые *парнашки* как фотографии, сделанные красной пленкой.

Избранные становятся легкой добычей и жертвой спекулятивных манипуляций и в результате проигрывают сражение. Новая юдоль нелюдей враждебна им, они возвышаются над ней в силу своих духовных основ: «Спасение представляется в виде гносиса – пути освобождения <...> от оков неведения, плоти, вещества...» [7, с. 168]. Попытка двойного самоубийства-освобождения увенчалась половинным успехом: «Патрон не взорвался, а выстрелил, будто ударил кувалдой. Антип лопнул кровью, полившейся изо рта, носа и глаз. Из живота его выпал кишечный клубок, размотался...» [2, с. 131].

Рассмотренный рассказ очень хорошо «вписался» в текст романа «Pasternak», где снова выведен Любченев, который в нарождающемся капиталистическом обществе 90-х сам становится нелюдью, но уже со знаком «плюс», оставаясь выразителем единственно верных, советских жизненных принципов. В обществе потребления он обитает на чердаках, изготавливает бомбы для либералов-капиталистов, проявляя недюжинные пиротехнические способности.

Таким образом, грядущее крушение Советского Союза воспринимается елизаровским героем-гностиком как конец света, а, следовательно, завершение собственного жизненного пути в попытке соединения с абсолютным – через метафизическое избавление от антагонистического мира. Формальная база текстов – городской фольклор.

Список литературы

1. Дайс Е. Библиотекарь из Наг-Хаммади [Электронный ресурс]. URL: russ.ru/pole/Bibliotekar-iz-Nag-Hammadi (Дата обращения: 13.05.2014).
2. Елизаров М. Красная пленка: Рассказы. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2005. 284 с.
3. Елизаров Михаил: «В чернуху не играю...» Известный писатель отвечает на вопросы наших корреспондентов // Завтра. 2007. 31 октября. С. 3–4.
4. Иванов А. Географ глобус пропил. М.: International bestseller, 2003. 345 с.
5. Меркушов С. Ф. Об абстракциях и аллегориях в повести М. Елизарова «Госпиталь» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 4. С. 264–271.
6. Меркушов С. Ф. Игра с классикой: литературные мутации в прозе М. Елизарова (на примере текстов «Госпиталь» и «Мультики») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 19. С. 227–233.
7. Трофимова М. К. Гностицизм как историко-культурная проблема в свете коптских текстов из Наг-Хаммади [Электронный ресурс] // Cyberleninka. URL: http://cyberleninka.ru/errors/not_found (Дата обращения: 14.08.2014).
8. Maestro_od. Три рассказа М. Елизарова [Электронный ресурс] // rutracker.org. URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=1515464> (Дата обращения: 12.07.2014).

**GNOSTICIZM, THE SOVIET URBAN FOLKLORE
AND ART OF M. YELIZAROV**

S. F. Merkushov

Tver State University

The center of Russian language and culture

Article writing is dictated by the need to study the role and functions of Soviet urban folklore in the works of Mikhail Yelizarov. This side of his prose today the least investigated. In addition, updated Gnostic aspect works of Yelizarov, also requires literary analysis. This publication is the first in a planned series.

Key words: *M. Elizarov, folklore, Gnosticism, «Red tape»*

Об авторе:

МЕРКУШОВ Станислав Федорович – кандидат филологических наук, главный специалист Центра русского языка и культуры Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: rusc2007@yandex.ru.